

Ольга Хмельницкая

Ольга Андреевна Хмельницкая

Из бутика с любовью

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187382
Хмельницкая О. Из бутика с любовью: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38339-9*

Аннотация

Как тратить деньги так, чтобы они не заканчивались за неделю до зарплаты, и при этом покупать все, что захочется? В поисках ответа на этот волнующий всех девушек вопрос Марина даже записалась на специальный тренинг. Там собрались такие же транжирки, как она сама, состоялось первое занятие, но... Отправившись тем же вечером в супермаркет закрепить новые знания, Марина обнаружила возле своей машины тележку с телом участницы тренинга – красавицы-блондинки Киры. А другая, художница Лиза, получила сообщение: «Ты следующая»... Кто же объявил войну девушкам, подверженным милой слабости к покупкам?

Содержание

Ольга Хмельницкая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Хмельницкая Из бутика с любовью

– Ты куда это собралась? – спросил Дима жену, стоящую у зеркала и завязывающую тоненький шелковый шарфик. – Ты же всю ночь вертелась, не выспалась, ходила по квартире, что-то читала на кухне, а сейчас, вместо того чтобы лечь спать, из дома намылилась.

– На свидание, – ответила Марина. – Неужели ты сомневался? Мне вот-вот рожать, самое время начать ходить по свиданиям.

– Меня предупреждали, что беременные склонны к нелогичным поступкам, – сообщил Дима, – но не думал, что это будет выражаться в такой чудовищной форме.

– Я бы тебя с собой пригласила, – продолжала Марина, – но ты понимаешь, меня могут неправильно понять...

– А если ты придешь на свидание одна, но с восьмимесячным животом, тебя, значит, поймут правильно?

Марина улыбнулась.

– Ладно, скажу правду. Я иду на семинар.

– Комнатных цветоводов?

– Нет, увы.

– Кондитеров? Будешь сама себе готовить тирамису?

– Опять нет.

– Свиноводов?

– На балконе будем разводить или ферму купим? – уточнила Марина.

– На балконе нельзя, хрюканье будет мешать соседям спать.

– Ладно, признаюсь. Я иду на семинар «Импульсивные покупки: как не тратить лишнего». В программке сказано, что около шестидесяти процентов покупок – спонтанные. О них часто потом жалеют.

– А ты часто жалеешь? – спросил озадаченно Дима.

– Редко, – призналась Марина. – Но бывает. Например, я совершенно зря купила те коралловые бусы, они меня старят. Пришлось передарить. И еще я жалею, что купила ковер с крупными серыми огурцами.

– Алюминиевыми, – подсказал муж.

– Серебристыми, – не согласилась Марина, – но ковер ни к чему не подошел, пришлось отправить его маме, а купила я его потому, что мне понравился рыжий кантик по его периметру. Но, – продолжила она, воодушевляясь, – намного больше я жалею о том, что не купила те желтые лаковые туфли на платформе! Не помнишь, нет? Ну такие блестящие, ярко-желтые, с белыми вставками...

– погоди, – сказал Дима, – ты же идешь на семинар, на котором тебя научат планировать покупки и приобретать все только по списку, правильно?

– Да, – сказала Марина, – но ведь желтые туфли-то в списке! А ковер с огурцами и коралловые бусы можно было и не покупать, их в списке нет.

– Очень страдаешь? Из-за желтеньких туфель? – спросил Дима.

– Да, – кивнула Марина.

– Марина, – сказал Дима, – но у нас же дома и так кругом туфли. И под столом туфли, и на столе туфли, и в умывальнике, и в ванной, в духовке. В холодильнике, наверное, тоже пара стоит, надо проверить.

Марина взяла сумочку. В стретчевых джинсах, свободном черно-желтом коротком платье и бесконечных каблуках она походила одновременно на пчелку и на воздушный шарик, который вот-вот взлетит в небо, помахивая шелковым шарфиком.

– Вот! – сказала она. – У нас уже закончилось место в шкафах. Это еще одна причина, по которой мне срочно нужно на этот семинар. Импульсивные покупки приводят к тому, что действительно нужные вещи уже и положить некуда.

– Не засни там, – сказал Дима. – У тебя сонный вид, полуночица. Ты у нас последнее время постоянно днем клюешь носом, а ночью прыгаешь. Надо заканчивать с этой порочной традицией.

– Ага, – сказал Марина и зевнула.

– Добрый день, располагайтесь, – произнес ведущий семинара.

Голос прозвучал механически и без всяких эмоций, как будто говорил робот. Инструктор на мгновение поднял голову и вновь уткнулся в бумаги.

«Зубрит речь», – подумала Марина.

Ведущего она представляла совсем не так. То есть не ожидала, что инструктором окажется парень, который выглядит так, будто он боксер-неудачник и его только-только отметили на ринге. Нос, слегка в сторону, явно пару раз поломан, шрам на лбу, короткая стрижка, напоминающая о недавно убранной комбайном пшенице, и в дополнение к выразительной картине – мешки под глазами, будто мужик последние пару недель беспробудно квасил. Под пиджаком угадывались очертания мышц. Голова плавно переходила в толстую шею.

– Здравствуйте, – сказала Марина и подошла поближе, – я Марина Владимировна. А вы никогда ничего не покупаете импульсивно? Только по списку?

– Да я, собственно, никогда от спонтанных покупок и не страдал, – неожиданно честно ответил ведущий. – Но рассказать могу.

В его глазах плескалась тоска.

– Чему же вы будете нас учить, – спросила Марина, – если личного опыта борьбы с этим явлением у вас нет?

– А знаете, бывают мужчины-акушеры, – ответил ведущий. – И палачи.

Марина приподняла брови. Она хотела было уйти, но посмотрела на двух девушек, которые уже сидели за столом, раскрыв блокноты, и решила остаться.

– Располагайтесь, – произнес мужчина, делая приглашающий жест рукой, – мест предостаточно.

Они собрались в ресторане «Уютная трапеза». Потолок тут был серо-стальным, а люстры – хрустальными, подвески переливались искрами всех цветов радуги.

Марина сразу подумала: «Надо бы прикупить пару таких люстр».

За столиком, убранном крахмальной скатертью, уже сидели двое – невероятно тоненькая блондинка с огромными голодными глазами и улыбчивая брюнетка, излучающая позитив.

– Я Кира, – сказала блондинка, – присоединяйтесь!

– Спасибо, очень приятно, Марина.

– Тебе надо больше есть, – сказала брюнетка, – ты весишь килограммов сорок.

– Сорок два, – ответила Кира. – Когда-то я решила, что не могу покупать одновременно еду и одежду, косметику и обувь. Поэтому, собственно, и не ем. Еда нынче дорога.

– Вообще? – ахнула брюнетка.

В брюнетке было что-то южное, теплое, волнующее. Красочное платье, загар, темные глаза.

– Иногда, – пожала плечами Кира и сложила на коленях руки, похожие на тоненькие и белые китайские палочки для еды.

– Ты красивая, – вдруг заметила брюнетка, – даже очень. Легкая и воздушная, как ангел.

– Все равно так не годится, – вмешалась Марина, – еда должна быть полезной и сбалансированной.

Брюнетка посмотрела на Марину, как смотрят юные и веселые девушки на старых, скучных и унылых бабушек.

– Она красивая, – повторила брюнетка, – я художница, я знаю, о чем говорю. Меня, кстати, зовут Лиза.

– Марина, – снова сказала Марина.

– Я думаю, все дело в спонтанных покупках, я иногда покупаю совершенно не то, что хотела! Собираюсь купить одно, а покупаю совсем другое, не то, что запланировала, и не то, на что у меня есть деньги, – сказала Кира. – Например, я купила дорожную маску для волос, действительно волосы стали после нее мягкими, как шелк, струящимися, блестящими и расчесываются легко...

Лиза и Марина стали рассматривать прекрасные волосы Кире.

– А что за маска? – спросила Марина, которая испытывала к средствам для ухода за волосами настоящую страсть.

– Краску Хрома Риш, – сказала Кира. Марина закивала.

– У них еще Вольюмактив хорошая, – добавила она.

«Анорексия? – подумала Марина. – А на самом деле ее финансовое положение вполне устойчиво?»

Она продолжила рассматривать девушек.

– Я покупаю все красивое, – улыбнулась Лиза. – Не могу устоять перед красотой. Вазочки, скульптуры, живые розы... недавно вот купила потрясающую кофейную чашку с видами Пекина, тонкую, фарфоровую, прозрачную как бумага. И еще, не поверите, не удержалась и купила бутылку водки, потому что сосуд был оформлен в виде большого кристалла. И что мне теперь делать с этой водкой?

– Ну, вы же человек искусства, – сказала Марина. – Для вас это нормально. Вы живете прекрасным. Оно нужно вам для вдохновения.

– Да, – кивнула Лиза, – но художник должен иметь трезвую голову, я надеюсь, что, покупая акции, а не безделушки, поправлю свое финансовое положение и наконец-то смогу поехать в кругосветное путешествие. А вообще мечтаю научиться просто смотреть на что-то красивое, но ненужное и бесполезное, а покупать – только полезное и нужное.

– Фотографируй, – предложила Кира. – Или рисуй. На худой конец, запоминай впечатление.

– Не могу, пыталась, – покачала головой Лиза. – Хочу держать в руках, менять ракурсы, освещение... хочу владеть.

Лиза и Кира вопросительно уставились на Марину. Пора было придумать собственную историю.

– Девушки, – сказала Марина, слегка наклоняясь вперед и широко распахивая светлые честные глаза, – я сама не знаю, что я здесь делаю. Меня муж отправил. Мне казалось, что я только все нужное покупаю... а он говорит, что барахло всякое и слишком много. Вчера, например, приобрела набор стеклянных фруктов, кулончик серебряный подвесной для серебрения воды, большой такой, на цепочке, в виде золотой, то есть серебряной, рыбки и заводного пингвинчика. Он был такой хорошенький! А муж, как увидел этого пингвинчика, рассердился и отправил меня сюда, сказал, чтобы я научилась контролировать свою страсть к покупкам и не покупать всякую ерунду. Дался ему этот пингвинчик!

– Он ничего не понимает, – поджала губы Кира.

– Тиран! Заводной пингвинчик – это прекрасно, тем более если он хорошенький, – подтвердила Лиза. – А что касается фруктов, то я сама не могу пройти мимо стеклянных фигурок. Среди них попадаются восхитительно удачные. Если поставить такую штучку под яркий свет, она переливается и сияет, как будто внутри у нее лампочка, словно она наполнена чем-то неземным, волшебством каким-то. А однажды одна фигурка у меня разбилась, и получилась кучка мелкого цветного стекла. Я тогда чуть с ума не сошла – как красиво это выглядело на черном столе в свете яркой лампы. Как россыпь звезд далекой галактики.

– Изумительно, – кивнула Марина, – я себе представляю. Осколки были белые?

– Немного белых, немного голубых и немного оранжевых, – сказала Лиза. – Цветные звезды в далекой-далекой галактике.

– А бывают еще украшения муранского стекла, – мечтательно произнесла Кира, – правда, они довольно дорогие. Даже очень. Я пока могу накопить только на серьги. На кольцо уже нет. Если покупать кольцо, то придется не есть еще полтора месяца. Я ведь воспитатель в детском саду. Иногда падаю в обморок, тогда дети радуются и начинают играть в больничку. Я надеюсь все же купить это ожерелье, но, разумеется, придется внести его в список, чтобы покупка не была импульсивной.

Марина пришла в ужас, опустила глаза и аккуратно поджала ноги. Ожерелье муранского стекла стоило столько, сколько бантик на ее правой туфле.

– Ты ничего не ешь, а волосы у тебя очень красивые, – сказала Лиза и дотронулась до золотистой пряди.

У Марины тоже были светлые волосы, но более светлого, соломенного оттенка, тщательно подобранного стилистом. У Киры же волосы натуральные, пепельно-русые, с мягкими переходами от светлого к темному, плюс слегка выгоревшие. Марина подумала, что никогда даже самый дорогой парикмахер не может добиться такого великолепного буйства оттенков, как создала природа.

– О, на средствах для ухода за волосами я не экономлю, – ответила Кира, – очень люблю маски от Garnier, а еще пользуюсь кремом для волос и бальзамом «Бабушка Агафья». Он совсем дешевый, но моим волосам как амброзия и нектар, они оживают и становятся как шелк.

Сердце Марины учащенно забилося. Средства для ухода за волосами вызывали у нее глубокий душевный трепет.

По небольшой лестнице застучали каблук. В ресторанчик вошел еще один потенциальный борец с импульсивными покупками.

На первый взгляд девушка не выглядела как человек, который что-то в жизни делает спонтанно. Строгий серый костюм. Юбка по колено. Черные классические туфли. Черный кожаный портфель. Даже очки в черной оправе. Гладкие волосы собраны в тугий хвост. Губы едва тронуты розовой помадой.

«Она робот, – подумала Марина. – Роботесса-на-каблуках. Бывают ли роботы-транжиры?»

– Здравствуйте, – громко сказала девушка, – я на семинар.

– Это здесь, – отозвался ведущий. – Присоединяйтесь.

Взгляд новоприбывшей просканировал ведущего, остановился на сломанном носе, шраме, мощной шее, широких плечах и мешках под глазами, свидетельствующих о неумеренном потреблении горячительных напитков.

«Мало того что он признался в отсутствии личного опыта, – подумала Марина, – так еще и алкоголик». Она снова собралась уходить, но за столом было так уютно, а новопри-

бывшая роботесса интриговала, так что Марина решила посидеть еще. Девушка промаршировала к столу и села, водрузив рядом свой квадратный кожаный портфель.

– Евгения Витальевна, – представилась она.

А потом снова уставилась на ведущего. Тот продолжал сосредоточенно зубрить речь. Видно было, что дело дается ему с трудом. Правая рука у него подрагивала.

«У бедняжки алкогольный тремор, – продолжала рассуждать про себя Марина. – Он, парень, был на все горазд, он пианист и... педагог».

За столом повисла тишина. Евгения Витальевна посмотрела на часы. До начала семинара, после которого, как ожидалось, деньги начнут задерживаться в карманах девушек, а не утекать сквозь пальцы на радость владельцам торговых предприятий, оставалось около семи минут. Кира голодными глазами смотрела на меню, стоящее на столе в прозрачной пластиковой рамочке и рекламирующее «фестиваль фуа-гра» и «блинчики дня». Евгения Витальевна достала черный кожаный ежедневник и углубилась в записи. Лиза задумчиво обозревала хрустальные люстры.

– Нравятся? – спросила Марина.

– Не то слово, – сказала Лиза. – Как художник, я очень остро чувствую такие вещи. Я бы разобрала ее на составляющие, это же как конструктор, из элементов можно составить что угодно иное...

– Например, длинные хрустальные бусы, – размечталась Кира.

– Я бы просто насыпала в большую белую стеклянную вазу, – предложила Марина. – А внутрь можно кольцами уложить новогоднюю гирлянду. Чтобы все мерцало и переливалось.

Лиза посмотрела на Марину с уважением. Марина глянула на часы. Еще пять минут. Очень хотелось спать, она зевнула и прикрыла глаза.

Она по-прежнему сидела за столом. Но что-то неуловимо изменилось.

«Я сплю», – подумала Марина, ущипнула себя за руку, но ничего не почувствовала.

Перед ней сидели три женщины. Вернее, две были женщинами, а третья – манекеном.

«Ой, – подумала Марина, – что это с ней?»

Кира была пластиковой. Целлулоидное лицо блестело, бессмысленно смотрящие вперед голубые глаза опущены длинными искусственными ресницами, резиновые губы ярко выделялись на фоне бледно-розовой кожи.

Марина вздрогнула и открыла глаза. Кира оказалась живой.

– Дремлешь? – спросила Марину Кира. – Это нормально, все беременные постоянно спят. Моя старшая сестра так вообще превратилась в спящую красавицу.

Ее худое лицо двигалось, губы шевелились, глаза фокусировались.

«Приснится же такое», – подумала Марина и пожалела, что в ее положении не рекомендуется пить кофе.

Ведущий наконец поднял голову.

– Видимо, остальные задерживаются, – глухо сказал он.

«Негусто», – подумала Марина.

Евгения Витальевна при звуке его голоса вздрогнула, как будто ее настиг случайный оргазм, Кира посмотрела на экран телефона. Раздался шум шагов. Лиза, услышав шаги раньше всех, повернулась ко входу.

– Здравствуйте, – раздался уверенный голос.

– Здравствуйте, – обрадованно ответил ведущий. – Располагайтесь.

Женщина продолжала стоять.

– Выбирайте любое удобное место, – повторил ведущий.

– Ой, вы такой красивый, – прожурчала новенькая.

Теперь все рассматривали вошедшую даму, а она пялилась на ведущего. Высокая, полная, ярко накрашенная, с голыми руками, кожа на которых искрилась из-за огромного количества крема для тела с блестками, с густо подведенными глазами, губами цвета «вырви глаз», огромной копной белых кудрей, стоящих колом из-за тонны лака для волос, и тяжелым ожерельем, лежащем на пышной груди – словом, она была невероятна.

Преподаватель покраснел. У Евгении Витальевны появилось на лице упрямое выражение.

– Спасибо, – сказал мужчина, – девушка, присаживайтесь. Еще пару минут подождем опоздавших.

Дама с кудряшками шумно приземлилась на стул, который жалобно скрипнул. Марину обдало волной жара от ее тела и запахом духов «Опиум».

– Я Вероника Юрьевна, – сказала она, – главный бухгалтер.

Все представились и заверили, что счастливы познакомиться. Глаза бухгалтера сначала обежали портфель, маникюр, костюм и очки Евгении Витальевны. Потом платье, браслет и кольцо на пальце у Лизы. Затем она смерила взглядом Киру, подсчитывая стоимость всего, что надето на воспитательнице детского сада. Последней была обчислена Марина. На нее Вероника Юрьевна смотрела дольше всех, видимо, сумма получалась наиболее внушительной.

– Платина с бриллиантами? – спросила она, потянувшись толстым пальцем с ярко-красными ногтями к обручальному кольцу Марины.

– Ой, что вы... серебро с фианитами.

Глаза бухгалтера снова сфокусировались на мужчине. В глазах появилось мечтательное выражение, как у пчелки, увидевшей особо сладкий пестик с тычинками.

– Ну, начнем, – сказал преподаватель. – Меня зовут Петр Петрович.

– Петров? – на всякий случай спросила Марина.

– Иванов, – ответил Петр Петрович.

– Ну конечно.

Глаза преподавателя уставились на нее в упор.

– Вам показать паспорт? – спросил он.

– Покажите мне, – вклинулась бухгалтер, игриво покачивая ножкой, – ту страницу, где семейное положение.

На лице у Евгении Витальевны проступило брезгливое выражение.

В этот момент раздался мелкий топот, и в зал вошли еще две женщины.

Первая была прекрасна. Высокая, гибкая и спортивная, с полными губами, восточными глазами и высокими скулами, она разила наповал.

«Я никогда не видела женщины красивее, – подумала Марина, – а видела я многих. И крупье в моем первом казино, и танцовщиц, работавших у меня на танцполе, и красавицу-барменшу в моем ресторане, которая уехала на Запад после того, как мой ресторан разорился, и Зою, которая продавала со мной лук, когда я поднималась из пепла, все в очередной раз потеряв и продав свою машину. Все они были красивы, но эта – лучше всех».

– Извините, – спросила красавица, – можно?

– Да-да, – ответил Петр, и глаза у него стали обалдело-деревянные, – мы еще не начинали, располагайтесь.

Евгения Витальевна поджала губы в легкой розовой помаде, бухгалтер Вероника вздохнула, как будто собралась надуть воздушный шарик. Лиза уставилась на вновь вошедшую с неприкрытым восхищением.

– Какая красивая, – воскликнула она, – хочу ее нарисовать.

– Лучше сфотографировать, – подсказала Кира.

– Нет, нарисовать, – не сдавалась Лиза.

Красавица опустила на свободный стул. Следом вошла еще одна женщина. Обычное русское лицо с легчайшими следами чего-то татарского, оставшимися, видимо, со времен ига, очень качественный черно-белый жакет, красная юбка, дорогие туфли, волосы, выкрашенные в радикально черный цвет. У женщины явно был вкус и так же явно – деньги.

– Ульяна, – представилась красавица.

– Анастасия, – сказала дама в черно-белом жакете. Ее черные-черные волосы блестели.

Петр встал и развернул плечи. В этом движении были одновременно мощь и грация. Одна из хрустальных люстр была как раз над его головой, и мешки под глазами стали видны еще четче.

– Ну что ж, начнем, – сказал он. – Сначала я кратко расскажу вам о методах мерчендайдинга, которые провоцируют внезапные покупки, потом познакомлю с технологиями продаж, расскажу о том, как управлять своими эмоциями, подталкивающими к совершению покупки, и научу противостоять соблазну. Возможно, именно наш семинар позволит вам распрощаться с финансовыми проблемами.

Он посмотрел в бумаги.

– Распрощаться с финансовыми проблемами – это хорошо, – подала голос бухгалтер. – Вот если бы мне увеличили зарплату...

– ... если бы мне дали еще один кредит, – заметила Евгения Витальевна и подняла вверх длинный палец с розовым лаком на ногтях.

– Я мечтаю жить в музее, – сказала Лиза, – почему в «Эрмитаже» нельзя поставить раскладушку?

– По телевизору все время показывают рекламу, – произнесла красавица Ульяна, подняв на Петра невероятные темные глаза, – и я не могу удержаться, сразу бегу и покупаю. Вот если бы рекламу не показывали!

– Если бы я могла вовремя остановиться! У меня же все есть, но я хватаю еще и еще. Как мне себя удержать? Я уже почти весь выигрыш в лотерею потратила, – сказала Анастасия, сжимая ухоженные руки с бриллиантовыми кольцами на пальцах.

– Почему еда такая дорогая? – спросила Кира.

– И почему мой муж считает, что я слишком много трачу? – добавила Марина, чтобы не выбиться из общего ряда жалобщиц.

Петр сделал паузу.

– То есть, – сказал он, – у всех вас есть финансовые проблемы. Будем надеяться, что, если вы перестанете покупать то, что вам не нужно, у вас появятся деньги на необходимое. А может, вы даже начнете откладывать.

Все закивали.

– Кстати, я всегда думал, – продолжил Петр, глядя на Ульяну, – что потенциальная транжира – это одинокая, издерганная и не слишком красивая женщина, которая покупает и покупает, потому что внутри у нее пустота и она как-то хочет заполнить эту пустоту.

Послышался дружный смех.

– Я уже понял, что это не так, – доверительно сообщил Петр, переводя взгляд с одного симпатичного женского лица на другое, – совсем не так. Я вижу, что вы здесь потому, что потеряли контроль над собой. Возможно, информация о том, как магазины провоцируют вас на покупки, поможет вам его вернуть.

Его голос стал ниже. Казалось, что, когда он говорит, все вокруг вибрирует и дрожит, входя в резонанс с его тембром.

– Да, надо взять себя в руки, – сказала Анастасия. – Я вот, например, выиграла в лотерею почти три миллиона рублей. Половину уже потратила. Представляете? Деньги утекают сквозь пальцы, мне кажется, что осталось еще много, а на самом деле... И ведь понимаю, что

если так будет продолжаться, то у меня ничего не останется, ни копейки. Плюс все родственники выстроились ко мне в очередь, все время денег просят – то дом в деревне починить, то машина сломалась, то дочке друзей на выпускное платье. А если отказываешь, то обиды! Мне же эти деньги с неба свалились! Надо делиться. Мне надо остановиться и перестать тратить деньги на непонятные мелочи. Вроде ничего не покупаю, а денег всё меньше.

Марине все эти проблемы были понятны. Так понятны, что она тут же начала скучать, опять собралась было уходить, но у нее снова начали слипаться глаза.

– Запишем: наша цель – борьба с непредвиденными расходами, – начал Петр.

Девушки принялись строчить в блокнотах. Глаза у Марины постепенно снова закрывались. Тем более что, в отличие от Евгении Витальевны и бухгалтера Вероники, она не пожирала Петра жадными глазами взволнованных самок.

– Это точно нужно записывать определение? – спросила Вероника, и ее пышная грудь колыхнулась. – Может, перейдем сразу к практике? Например, мы все дружно идем в магазин и выходим, ничего не потратив. Фокус-покус!

– Практика будет, потерпите, – ответил Петр.

В его глазах по-прежнему не видно огня, они холодные, потухшие, как две грязные льдинки.

– И еще расскажите, как развить силу воли, – попросила Лиза, – научите меня экономить! Например, я обещала себе две недели ничего не покупать красивого, но ненужного. А потом увидела потрясающий шелковый платок с репродукцией Ван Гога, с такими яркими, чистыми цветами, мягкий, струящийся, и не удержалась. И понеслось.

– У меня тоже такое было, – призналась Кира. – Я как-то решила, что каждый день буду покупать кефир. И пить. А не копить на новые туфли. Лаковые, вишневые...

– На невысоких каблукках, да? – спросила Анастасия, расстегнув верхнюю пуговицу на черно-белом жакете. – Я их, кажется, видела, они не просто лаковые, они под крокодиловую кожу сделаны.

– И такой каблук невысокий, устойчивый, казалось бы, не очень изящный, но лодыжку обхватывает ремешок, и получается красивый силуэт, – подхватила Кира.

– Я их тоже видела. Слишком скромные, – сказала Вероника. – И цена такая высокая! Почти восемь тысяч.

– А их по телевизору не рекламировали, нет? – спросила Ульяна.

– Под деловой костюм их носить нельзя, я такие не покупаю, – сказала Евгения Витальевна.

Все головы повернулись к ней.

– Я покупаю только офисные туфли, у меня их двадцать шесть пар, все черные, – сказала Евгения. – Но последние три пары купила импульсивно, просто у меня привычка сформировалась: как увижу черные туфли на каблукках – сразу покупаю. Это ужас какой-то.

Анастасия и Лиза тут же заглянули под стол.

– Да, черные, – сообщила Лиза, выныривая. – Обычные такие. Даже не лаковые.

Евгения смерила ее высокомерным взглядом.

– Для офиса идеальны, – сказала Анастасия, выпрямляясь, – только каблук низковат.

– Девочки, – всплеснула руками Вероника, – как вы такие носите? Они же траурные!

Ее собственные босоножки на высоченной платформе были украшены ярко-золотыми, белыми и красными цветами. Евгения Витальевна поморщилась.

Марина закрыла один глаз, потом зевнула и закрыла второй. Женский щебет убаюкивал почище сухих определений, спать хотелось все сильнее.

Марина рывком выпрямилась. Она по-прежнему сидела за столом. Женские голоса смолкли. Было тихо. Марина посмотрела направо, потом налево, потом прямо.

Кира опять стала манекеном. Целлулоидная блестящая кукла с бессмысленным взглядом, она тарасилась прямо перед собой. Волосы, выглядящие в жизни восхитительно натурально, сделаны из стекловолокна. Сидящая рядом Лиза что-то говорила Кире, открывая рот, но слов не слышно.

«Чем отличается манекен от живого человека? Тем, что он мертв», – подумала Марина и посмотрела направо.

Рядом с активно жестикулирующей Вероникой, губы которой были почему-то намазаны вареньем, сидел манекен Ульяны. Кукла была так же красива, как и ее прототип. Сделанная из пластика кофейного цвета, она напоминала Барби в прозрачной упаковке, в игрушечном магазине. Глаза сделаны из какого-то материала глубокого шоколадного цвета, искусственные ресницы невероятной длины.

Третий манекен, весь разломанный, лежал на полу. У него были рыжие волосы и длинные ноги в красных замшевых сапогах. Виднелась черная юбка в узкую полоску. Вдруг лежащий манекен зашевелился и задрогал ножкой. Он был вовсе не таким бездыханно-полимерным, как два, сидящих за столом. Марина вздрогнула и открыла глаза.

– В общем, я пыталась, – повторила Лиза, – некоторое время не покупать ничего, только самое необходимое. Но ведь платок необходим, правда?

Ей никто не ответил.

– А вы? – спросила Евгения Витальевна, глядя на Петра. – У вас была ситуация, что вы покупали, покупали и покупали, наслаждаясь каждой минутой, перебирая вещи, которые могут стать вашими, щупая бархатную и теплую кожу, вдыхая ее запах...

Желваки Петра напряглись.

– Девушки, давайте вернемся к обсуждению борьбы с импульсивными покупками, – предложил он.

Марина посмотрела сначала на Киру, потом на Ульяну. Живые, активные, красивые девушки.

«Что за наваждение?» – подумала Марина, ощущая нехорошее предчувствие.

На всякий случай она посмотрела на пол. Никакого поломанного манекена там не было.

Последняя слушательница вбежала, запыхавшись, когда до конца оставалось порядка пятнадцати минут и все уже решали практическую задачу.

– Извините, – пробормотала девушка.

Пышные рыжие волосы, веснушки, черная мини-юбка в тонкую полоску, очки, красные замшевые сапоги. Совпадение! Причем столь пугающее, что Марина не на шутку разволновалась. Рыженькая между тем достала блокнот и приготовилась записывать.

– Добро пожаловать, – сказал ведущий. – Меня зовут Петр Петрович. Но вы пропустили все самое важное, даже не знаю, что теперь с вами делать.

Его мужественная внешность не произвела на новенькую никакого впечатления.

– Ира, – представилась девушка. – А у вас материалы какие-то печатные есть? Я тогда дома прочитаю. Я опоздала, потому что ждала вестей из Арктики.

Все оживились. Вести из Арктики – это намного интереснее, чем какие-то там акции, от которых кое у кого уже заболела голова.

– У меня жених уехал на базу в Арктику, – сообщила Ира. – Иногда пишет, когда спутник связи пролетает над районом базы. И я жду его, – продолжила она. – Жду-жду-жду...

– Какая хорошая девочка, – отреагировала Кира.

– Его зарплату перечисляют мне, а я все трачу, – добавила Ира, и ее нос сморщился, как будто она собралась заплакать, – а зарплата очень даже неплохая. Каждый месяц думаю

о том, что легко могу сэкономить, отложить половину денег Федора и купить на них что-то, что будет расти в цене, например акции каких-либо нефтегазовых предприятий. Правда, каждый раз деньги заканчиваются за неделю до того, как приходит новая порция. Каждый раз. Я ничего не могу с этим поделать. Но надеюсь, что, если узнаю больше об акциях, у меня вырастет мотивация.

За столиком повисла тишина. Все смотрели на Иру с сочувствием. Ах, как знакомо – внезапно закончившиеся деньги... а ведь планов громадье: и список трат вести, и бухгалтерскую программу поставить на домашний компьютер, и покупать все только по списку, и инвестированием вот заняться...

Марине опять захотелось спать, но она пересилила себя: наблюдать во сне манекены надоело, это тревожно и неприятно.

– Ну что? – спросил Дима. – Как там слушатели семинаров? Девушки, спустившие все деньги на туфли, платья и сумочки?

– Типа того, – кивнула Марина. – Все хорошенькие, занятые и не слишком бедные. Во всяком случае, они нашли деньги, чтобы заплатить за семинар, а не потратили их на хлеб. Есть средства, но они утекают сквозь пальцы, причем тратятся бог знает на что. А девушки хотят покупать акции, чтобы сохранить заработанное, да еще и приумножить. Не вазочки китайские, не бусики-платица-босоножки, а что-то, что будет дорожать. Может быть.

– У меня то же самое, – сказал Дима. – Блин! Деньги уплывают и уплывают.

– Пойди на семинар, – предложила Марина. – И тебе расскажут, что доля импульсивных покупок достигает пятидесяти процентов от общего объема продаж магазинов. Например, настоящий бич – кондитерские изделия, пирожные почти всегда так покупают – увидел и не сдержался. С пивом, кстати, та же история. И еще с книгами, товарами для дома и косметикой. К тому же надо следить за мелкими тратами, которые ты и в расчет не принимаешь. Десятка там, сотня там... Об этом мне тоже рассказали на семинаре.

– Сотня – это уже не мелочи, – сказал Дима, – если я трачу сотню, то замечаю.

– Рублей. Просто рублей. Не сто тысяч долларов.

Дима взял в руку ломтик пиццы, откусил, прожевал и хотел было облизать пальцы, заляпаные мягким сыром и томатным соусом, но передумал. Марину его привычка облизывать пальцы до невозможности умиляла, особенно учитывая его возраст и статус.

– Я-то сто тысяч долларов имел в виду, – подумав, сказал Дима. – Надо больше зарабатывать, а не меньше тратить, – добавил он и подцепил еще кусок пиццы. – К тому же я точно знаю, куда уплывают мои деньги. В целом финансовый вопрос не может испортить мне аппетит и настроение.

– Кстати, о настроении, – продолжила Марина. – Мне снился сон. Про манекены. Представляешь, они сидели за столом и смотрели на меня. Это даже не манекены, а куклы реальных людей. Только неживые.

– Это подозрительно, – ответил Дима, – если неживые куклы сидели и смотрели. Но если бы они при этом еще и ели и разговаривали, было бы еще подозрительнее.

– Кстати, еще одна кукла при этом лежала на полу и дрыгала ногой.

– Живчик какой, а?

Марина тоже взяла кусок пиццы.

Лиза стояла перед мозаичным панно и думала, какое оно красивое и с каким удовольствием она бы его купила.

– Это флорентийская мозаика, – сообщила консультант, – сделано в стиле китайского фэн-шуй, называется «Бабочки в цветах». Материал – яшма.

На ценнике под панно было написано, что оно стоит пятьдесят четыре тысячи рублей. Лиза посмотрела на девушку-консультанта. Широкое и не слишком симметричное лицо, короткая челка, большой нос, маленькие глаза и килограммов двадцать лишнего веса. Лиза быстро повернулась назад к панно. Созерцание всего некрасивого вызывало в Лизе почти физическую боль.

– Яшма – это полудрагоценный камень, пользовался большой популярностью при Екатерине Второй, – добавила консультант. – Видите, тут у камня разные оттенки, листья у пионов сделаны из плазмы, это такая темно-зеленая яшма. А вот здесь – силекс, яшма с бурыми и красными пятнами.

Лиза снова бросила взгляд на консультанта и снова поспешно отвернулась. Панно было прекрасно. Оттенки полудрагоценных камней подобраны превосходно, пионы светились изнутри под лучами ламп, хотелось потрогать поверхность, но Лиза решила этого не делать – на поверхности останется тогда жирное пятно от пальца, хорошо заметное, если смотреть под углом.

Лизе очень хотелось купить его, очень, до боли. Шрамы на груди, надежно скрытые от посторонних глаз, заныли.

– Я куплю его, – решила Лиза.

На девушку-консультанта она старалась не смотреть.

Ира шла по тротуару, Александр за ней. Она чувствовала его спиной. Шагов не слышно, рядом проезжали автомобили, и не слышно вообще почти ничего, только гудение двигателей и шелест шин. В какой-то момент Ире захотелось повернуться, как Орфею, и посмотреть, идет ли он сзади.

Ибо в последние полгода он все время таскался за ней, как на веревочке, несмотря на то что Ира была тверда в своем решении ждать Федора. Сначала Александр что-то говорил, пытался рассказать о своих чувствах, предлагал куда-то сходить и куда-то поехать, но сник, разбившись о безответный бетон. Теперь он просто почти все время был рядом с ней, не разговаривая и ни о чем не спрашивая, как бессловесная тень. Но сейчас Ира не знала, идет ли он по улице, и хотелось повернуться и посмотреть. Она не собиралась ему уступать, не собиралась быть с ним, не хотела давать ни единого шанса, но сейчас, когда она не слышала его шагов, ей хотелось узнать, идет ли он сзади.

Но поворачиваться нельзя, это внушило бы Александру ложные надежды. Ира посмотрела в отражение витрин, но никого не увидела. Желание обернуться стало еще сильнее. Она шла по асфальту, стуча каблуками красных замшевых сапожек, и боролась с собой. За последние полгода она привыкла к нему и, как оказалось, сильнее, чем была готова себе признаться.

Ира обернулась. За спиной никого не было.

– Еще салат с тунцом, – сказала Анастасия.

Официантка кивнула и записала.

– И пиццу с ананасами и курицей.

Девушка кивнула. У нее был робкий взгляд и длинные русые кудри, собранные в хвост. Казалось, она не решалась поднять на клиентов глаза и смотрела в свой блокнотик, не отрываясь.

– Мороженое с орехами, – продолжала Анастасия.

Она сняла бело-черный жакет и повесила на спинку стула. Официантка записала.

– Чай со смородиной. Хлеб еще. И вот... вот у вас тут... маньячный кекс.

– Коньячный.

– Ах, да.

– И еще вишневый штрудель с мороженым.

Брови официантки робкой поползли вверх, она рывком вернула их на место. Видно было, что ей очень хочется посмотреть на Анастасию, которая собирается все это съесть, но она не решается.

– Спасибо, все.

Когда Анастасии принесли суп, она съела его с удовольствием. Когда ей принесли пасту с семгой и зеленым горошком в сливках, она тоже ела с аппетитом. Салат с тунцом уже был освоен с трудом. На пиццу с ананасами, которую принесли после салата, Анастасия смотрела без всякого интереса.

Почему-то ей вспомнился кадавр, придуманный Стругацкими. Человек, неудовлетворенный желудочно, ел все без разбору, ел, ел и ел. Официантка принесла мороженое, коньячный кекс и штрудель. Штрудель тоже с мороженым. Анастасия беспомощно огляделась. Мужчина справа от нее немедленно уткнулся носом в «Ведомости». Мужчина был симпатичный, и Анастасии немедленно стало жаль, что за последние несколько месяцев она наела килограммов десять, которые отложились на щеках, талии и бедрах. Она посмотрела на штрудель и снова ощутила голод. До того момента, как она выиграла в лотерею крупную сумму, у Анастасии постоянно была необходимость экономить. Она пододвинула к себе штрудель, посмотрела на мужчину, отодвинула, снова пододвинула, снова отодвинула.

Потом начала есть.

«Я с ним сегодня познакомлюсь, познакомлюсь, познакомлюсь, – думала Вероника. – Я смелая, смелая, смелая. И красивая!»

Она хотела познакомиться хоть с кем-нибудь. Вполне подошли бы консультант отдела бытовых товаров, бармен или прораб, под началом которого каменщики мужественно таскали ведра с раствором на строительстве гаража под окнами квартиры Вероники.

Никто из них с Вероникой знакомиться не хотел. Кто знает, что их отпугивало – восемьдесят два килограмма веса бухгалтерши, слишком яркий макияж или выбеленные волосы, стоящие колом от большого количества лака и пенки для укладки. Уже довольно долго, целую вечность, Вероника не могла себе найти никого, буквально никого, и чем сильнее было ее желание романтики, тем с меньшим энтузиазмом реагировали окружающие.

Она стояла в очереди в «Евросети», намереваясь заплатить за телефон, и настроение у нее было хмурым, как осеннее питерское небо.

– Скажите, девушка, – вдруг прозвучал за спиной голос, – а если телефон выключен, на него можно положить деньги?

Вероника повернулась. Мужчина был вполне симпатичным. Правда, пьяным, и довольно сильно, но Веронику это ни капли не расстроило. В конце концов, это мужчина, а остальное неважно.

– Не знаю, – растерялась она, – но можно спросить у консультанта.

Собеседник покорно двинулся к консультанту, и Вероника сразу расстроилась – а вдруг уйдет совсем.

– Давайте попробуем, – сказала она ему в спину, – выключим мой телефон, положим на него деньги... проведем, так сказать, эксперимент.

Он смотрел на нее с интересом.

– Давайте, – откликнулся мужчина, – выключайте.

Вероника послушно выключила телефон и, как сомнамбула, шагнула к кассиру. Он смотрел на нее, не отрываясь, то открывая, то закрывая глаза.

– Поехали ко мне, – вдруг сказал он. – Ты такая красивая. Как Венера Милосская... как Памела Андерсон. Про Ренату Литвинову я уже и не говорю.

Сердце Вероники наполнилось ликованием.

Кира смотрела на булку и думала, что надо бы ее съесть, но никакого желания не возникло.

Булка была сочной, свежей, пушистой, с глазурью. Кире же она казалось сделанной из цемента, песка и прочих несъедобных ингредиентов. А вот босоножки она бы купила. Такие красивые, замшевые, темно-коричневые босоножки, в которых ее белая нога с хорошенькими пальчиками и розовым маникюром будет выглядеть как произведение искусства.

Она оторвала взгляд от булки, потом снова посмотрела на нее. Булка была такая привлекательная, что Кира чуть было не поверила в то, что она и на самом деле вкусная. Но сознание отказывалось видеть что-то, кроме оболочки из папье-маше.

«Жаль, что я не могу захотеть съесть эту булку, – подумала Кира. – Иногда мне хотелось бы быть такой же, как все другие люди. Любить сладкое. Обождать мороженое. Балдеть от чизкейка с кофе. Хотеть банана».

На секунду она увидела в стекле витрины свое отражение – светлые волосы, огромные голубые глаза, тонкое, похожее на кукольное, лицо. У взрослой женщины не может быть такой тонкой талии, таких изящных рук, таких длинных пальцев. Еще минус пять килограммов, и Кира будет выглядеть больной и изможденной, но пока она находилась на грани, в образе воздушной принцессы.

Улыбаясь, она отвернулась от булки и пошла к бутику, где продавались замшевые, темно-коричневые босоножки. В последнюю секунду перед тем, как она отвернулась от витрины, Кире показалось, что она увидела в стеклянном отражении что-то знакомое, и это почему-то испугало ее. Она повернулась, узнала, через силу улыбнулась.

Начал отсчет последний час ее жизни.

Ульяна стояла на выходе из супермаркета, держа в руках пакет с двумя бутылочками средства для чистки ковров и новым красным пиджачком, и чувствовала себя странно. У нее в квартире ковров отродясь не было. А пиджачок она купила потому, что в такой же была одета телеведущая, рекламировавшая это самое чистящее средство.

Сама себе в этом пиджаке Ульяна казалась смешной. Но она была такой красивой, что на самом деле смешной не выглядела ни в чем. Идущий навстречу парень обратил внимание на ее замешательство, скользнул взглядом вниз и вверх, сфокусировался на ее лице и тут же изменил траекторию.

– Вам помочь?

В тоне было что-то одновременно игривое, смешливое, заботливое и настойчивое. Ульяна отрицательно покачала головой и напустила на себя неприступный вид.

– Я готов быть вашим личным сексуальным маньяком, – добавил парень.

Ульяна с трудом удержала на лице серьезное выражение.

– Могу донести ваши покупки. Довезти до дома. Хотите – моего, хотите – вашего.

Он был заранее на все согласен.

– Не надо, – ответила Ульяна, – спасибо.

В ее ответе было столько сдержанности, что парень не стал настаивать.

На кладбище тихо и очень красиво. Неправда, что здесь все серо и уныло. Кладбище – это буйство красок, но краски сплошь фальшивые – искусственные венки, цветы, букеты. Все это кислотными оттенками покрывает свежие могилы. Кое-где лежат груды живых цветов, увядших, сцепившихся между собой. Красные лепестки роз становятся почти черными, розовые сереют, желтые скукоживаются и приобретают кирпичный оттенок.

Петр Иванов сидел у свежей могилы и пил водку. Он не был одинок: неподалеку сидели две собаки, с креста на крест летали галки. Ветерок шевелил искусственные лепестки. Петр

хотел вернуть время назад, и больше ничего, такую вот малость, но это невозможно, абсолютно никак невозможно, и Петр пил, чтобы не было так больно. Но легче не становилось.

– Чайная чашка.

Евгения Витальевна положила в тележку чашку и отметила в списке соответствующий пункт галочкой. Чайная чашка у нее была. Но одна. А что, если чашка разобьется?

Евгения Витальевна положила в тележку чашку и с чистой совестью вычеркнула пункт номер один.

«Он такой суровый, – подумала Евгения Витальевна, вспомнив мужественный лик Петра Петровича. – Но вдруг в этой широкой груди бьется нежное сердце? Вдруг я ему понравлюсь?»

Евгения Витальевна заглянула в список. Номером два значилась селедочница. Она не особенно любила селедку, но селедочницы у нее не было. А вдруг понадобится? Селедочница отправилась в тележку.

В следующий час Евгения Витальевна купила вторую подушку, набор ароматических свечей, мохнатый прикроватный коврик с сердечками, большое банное полотенце, набор пластиковых мисочек для сыпучих продуктов и мужской шампунь из серии «Красная линия». Иногда ей приходило в голову, что Петр может и не обратить на нее внимание, что их встреча может и не произойти, а если и произойдет, ничего не будет иметь решающего значения. Но она готовилась. Она на всякий случай прорабатывала все варианты. Потом ей пришло в голову, что у них с Петром, может, когда-нибудь родится ребенок, но усилием воли не дала себе купить пачку памперсов и кружечку-непроливайку.

Евгения Витальевна наметила себе цель и теперь стремилась к ней, как крылатая ракета, запущенная с закрытого военного полигона.

– Я даже не хочу смотреть чек, – сказала Марина, – я опять потратила неприлично много.

– Ты этим наслаждаешься, я же вижу, – заметил Дима. – Всей этой горой покупок. Особенно зелененьким лаком для ногтей, фартуком с белым кантиком, розовенькой косметичкой и стеклянной пилкой для ногтей. И вот джемпером черным.

Фартук был синим с белым кантиком, а черный джемпер покрыт мелкой разноцветной вышивкой. Вышивка буквально светилась на черном фоне. Получалось совсем не мрачно, а живо и красочно. Как прекрасные лотосы, которые росли из грязи. Марина старалась не думать о черном фоне джемпера, как о кучке чернозема.

– Этот джемпер мне напоминает платье, в котором как-то ходила Даша Жукова, – сказала Марина, – черный фон, много ярких мелких цветочков.

– Я не против, – пояснил Дима. – Мне нравится.

– Тебе все равно, – сказала Марина.

– Мне все равно? – удивился Дима. – С чего ты взяла? Если я говорю, что не против, значит, я не против. Только так.

Они шли по парковке. Возле машины Димы стояла тяжело груженная тележка. Марина огляделась. Хозяев тележки нигде не было видно. Они подошли поближе. В тележке лежало что-то объемное, сложенное вдвое, а то и втрое.

Манекен.

Марина присмотрелась – светлые волосы, открытые голубые глаза. В неверном электрическом свете парковки пластиковая кожа казалась серой.

– Это труп, – произнес Дима.

Через минуту все вокруг пришло в движение. Люди куда-то звонили, кто-то оцеплял зону вокруг тележки, бежали охранники супермаркета. Откуда-то издали послышался вой милицейской сирены.

– Не смотри, – сказал Дима Марине.

– Я ее знаю. Это Кира, она была сегодня со мной на семинаре, – воскликнула Марина. – Помнишь, я рассказывала тебе, что видела сон, в котором она была мертвым манекеном? Помнишь?

– Помню. Иди в машину, – велел Дима.

На его лбу залегла вертикальная складка.

Старушка несла большую сумку, согнувшись в три погибели. Ира обогнала ее. Сейчас, когда Александра за ее спиной не было, она никак не могла разобраться в своих чувствах. С одной стороны, она чувствовала себя неожиданно свободной, как человек, привыкший всегда быть на связи и внезапно отключивший мобильный телефон. С другой стороны, у нее в душе образовалась странная пустота.

– Вронский целый год ухаживал за Карениной, и она сдалась, – вспомнила Ира печальную историю.

Она шла по улице, и никто не маячил за ее спиной. Впрочем, он не всегда ходил именно за спиной, иногда шел рядом. Время от времени пытался заговорить, но чаще молчал. Ира никак не могла понять – почему она. Ходил бы за кем-нибудь другим, что, в городе мало девушек?

Но он ходил именно за ней. Только сейчас его почему-то рядом не было. В этот момент ей в голову пришла мысль, что она ничего о нем не знает – даже фамилии. И если он пропадет – ей его никогда не найти.

– Это уму непостижимо, – сказала Марина, устроившись на переднем сиденье. – Просто невероятно. Почему именно возле нашей машины? Почему именно Кира? Почему именно сегодня?

Мертвое лицо стояло перед ее глазами – бездумное и безжизненное. Марина включила кондиционер на полную мощность, холодная струя воздуха ударила ей в лицо. Отдышавшись, она вышла из машины.

– Колото-режущее ранение. В шею, – сообщил ей Дима. – Подумай, пожалуйста, почему ее тело оказалось в тележке на парковке рядом с нашей машиной.

– Я не знаю, – ответила Марина. – Я видела ее один раз в жизни, на семинаре по импульсивным покупкам, знаю, что ее зовут Кира и она воспитательница детского сада. Она была очень худенькой, она иногда падала в обморок, и тогда дети радовались и начинали играть в больницу. Кира ждала, когда ее тетушка отойдет в мир иной и оставит ей наследство. Она мечтала купить ожерелье из муранского стекла. Все!

Дима молчал. Тело Киры упаковывали в черный пластиковый мешок. Последними скрылись волосы – длинные и светлые, такого интересного оттенка, который никак не создать красками, ибо все краски суть типовый проект, от них нечего ждать откровений. При девушке не было никаких вещей. Она была одета в белое платье-трапецию и белые босоножки на высокой платформе, очень красивые. Застежки плотно охватывали ноги и даже теперь, когда хозяйка мертва, обувь, казалось, не хотела с ней расставаться.

– В моем сне было два манекена, – сказала Марина.

– Кто второй?

– Девушка по имени Ульяна. Красавица. Но кто она и чем занимается, я не знаю.

На парковке супермаркета было сумрачно, лампы, расположенные под высокой крышей, давали неяркий свет, почему-то слегка фиолетовый. Большой пластиковый пакет погруз-

зили в машину. Вокруг пустой тележки ходила пара криминалистов. Они светили фонариками, и свет у фонариков тоже был фиолетовым.

– Может, удастся проследить путь тележки по каплям крови, – предположил кто-то. – Вон кровь с тележки накапала.

На сером полу паркинга кое-где виднелись блестящие бурые пятна.

– Это все какой-то ужас, – сказала Марина.

– Убийца может иметь отношение к семинару, – предположил Дима. – Кто-нибудь вызывает у тебя подозрение?

– Ведущий, – ответила Марина. – Все слушательницы были женщинами. Милыми, симпатичными и дружелюбными. А вот у ведущего... как минимум проблемы с алкоголем.

Дима кивнул, не прекращая следить за ситуацией. Марину всегда восхищало его умение видеть одновременно все вокруг себя, как будто у него десять глаз.

– Всех девушек надо предупредить, – продолжил Дима. – Всех, кто был на семинаре. Пусть даже потом и окажется, что это лишняя предосторожность и Кира убита по личным причинам. Вот ты упомянула, что она ждала наследство. Идеальный мотив. Наследство – отличный повод проредить состав родственников.

– Я, к слову, тоже на нем была, на семинаре этом, – напомнила Марина.

Ей почему-то стало не по себе.

– Тут должна быть логическая цепочка, – сказал Дима. – Почему девушку убили? Кто? Где? Кто сунул тело в тележку? Почему тележку подкатили к нашей машине? Какой во всем этом смысл?

– Я могу представить себе тысячу мотивов и тысячу схем, но не представляю, зачем было подкатывать тележку с телом Киры именно к нашей машине, – сказала Марина.

– Я тоже. Но кто-то зачем-то это сделал.

Марина вернулась в машину.

– Я видела ее, – сообщила кассирша, глядя на фотографию, – она купила... купила... нет, я не помню, что она купила, но она была такой стройной, с такими большими глазами, такой... как фея. Ее убили, да? Я слышала, мне охранник сказал.

– Да, – сказала Марина. – К сожалению.

– Я ее запомнила. И еще сумку ее, бежевую такую, с длинными кистями, – добавила кассирша.

Никакой сумки при Кире не нашли.

– Но вы не помните, что она купила? Продукты? Бытовую химию? Косметику? Что-то для дома?

– Нет, к сожалению, – сказала девушка. – Ее помню, сумку помню, а покупки нет.

Но это было не важно. Важно то, что Кира прошла через кассу супермаркета живой. Впрочем, трудно предположить, что тело выкатили в тележке.

– В этом замешан кто-то из сотрудников супермаркета, – сказал Дима. – Полно охраны. Множество людей. Как можно в такой толпе убить человека, затолкать тело в тележку и вывезти ее на парковку?

Охранники ничего не видели и девушку не запомнили. Подозрительная тележка их внимания не привлекла.

– Возможно, ее убили в машине, – предположила Марина, – а потом перегрузили в стоящую рядом тележку.

– Возможно, – сказал Дима, – но это не отвечает на вопрос, почему она оказалась рядом с нашей машиной. Я не верю, что это случайность.

– Все бывает. В мире полно случайностей. Ты можешь встретить на заправке человека, которого не видел десять лет. Ты можешь опоздать на самолет именно в тот день, когда он рухнет в океан. Ты можешь...

– Я понял твою мысль, – сказал Дима. – Ты допускаешь: твое знакомство на семинаре с Кирой и то, что ты потом нашла ее тело в тележке возле своей машины на парковке торгового центра, – случайность. Я повторяю, это это невозможно. Скорее кто-то с трупом Киры терпеливо ждал нашего появления. Кстати, это может быть, если труп Киры лежал у кого-то в машине. Других вариантов я не вижу.

– Мы не знали, что поедим в этот торговый центр, – сказала Марина.

– Мы в него ездим всегда, – ответил Дима. – Кто-то может знать наши привычки.

– Фантастика.

– Согласен.

Они стояли на парковке, смотрели на бурые пятна крови и напряженно думали.

– Интересно, что кассирша ее опознала, – напомнила Марина, – иначе можно было бы предположить, что Киру убили где-то совсем в другом месте, а потом привезли, сложили в тележку и подкатили к нам.

– Ты права, свидетельство кассирши говорит о том, что ее убили прямо здесь.

– Да. У нас есть две основные версии – в машине или в самом торговом центре. Я бы все-таки последний вариант со счетов не сбрасывала. Может, на всякий случай обойдем торговый центр и попытаемся понять, как такое могло произойти – чтобы человек был убит на дороге между кассой и парковкой и никто этого не видел. У тебя есть версии?

– Нету. Я за машину. Но если все-таки принять ненулевой вероятности, что это произошло в торговом центре, то это может быть лифт, туалет и примерочная кабинка. В туалете с тележками не ходят, гипермаркет расположен на первом этаже и обычно с тележками наверх в лифте, на магазины второго этажа, не ездят. К тому же в лифтах чаще всего полно людей. Примерочные есть в бутиках, их надо все осмотреть. Также на первом этаже между кассами гипермаркета и парковкой есть много мелких магазинчиков, продающих часы и бижутерию, художественный салон, магазин детской одежды, интерьерный бутик, ларек с горячей выпечкой, аптечный киоск... не в аптеке же?

– И тем не менее она погибла в это время и в этом месте.

– Повторю версию про машину на парковке. Или между машинами. Двумя припаркованными газелями, например.

– Тогда где-то на полу парковки могут остаться следы. Надо обыскать все.

– Да. Но часа в четыре утра, когда на парковке никого не останется. В свете ультрафиолетовых ламп кровь видна отлично. Если следы есть, мы их найдем. Будет хуже, если их нет. А пока займемся людьми с твоего семинара и окружением Киры.

Петра взяли прямо на кладбище. Он был совершенно, вдребезги и неприлично пьян.

– Да, я убил ее, – сказал он. – Да-да-да. Это я. Я готов признаться.

За спиной Петра защелкнулись наручники. Майор Валерианов, друг детства Димы и его коллега по армейским будням, высморкался с довольным видом.

– Признательные показания – это благородно и удобно, – произнес он. – Вот и проблема решена.

Петр что-то пьяно бормотал, глядя в сторону холмика, засыпанного увядшими цветами.

– А мотив? – спросил Дима. – Зачем он это сделал?

– Протрезвеет и расскажет, – сказал майор и снова прижал платок к большому красному носу. – Может, они были тайными любовниками, а она ему изменила? Такое бывает,

и часто. Человек, обуреваемый страстями, знаете ли, существо непредсказуемое и опасное для окружающих.

Петра затащили в воронок.

– А может, это не он? – предположила Марина.

– Ну вы же сами слышали, Марина Владимировна, – благодушно сказал Валерианов, – гражданин Иванов заявил: «Да, я убил ее, да-да-да».

Марина посмотрела на могилу, возле которой стоял ряд пустых бутылок с водкой.

– Все, у кого умер кто-то близкий, считают себя виноватыми, – сказала она.

– Ничего, – утешил ее Дима, – тут холодно, простудится еще. А в камере, возможно, к нему вернется ощущение реальности. Ну и протрезвеет.

– Какой ты черствый, – сказала Марина. – У человека горе.

– Горе мы еще увидим, – пообещал ей Дима. – Когда посетим родственников Киры.

От храпа дрожали шторы и стучали по батареям соседи. Вероника попыталась растолкать своего гостя (они поехали все-таки к ней) или хотя бы перевалить его на правый бок, но туша была неподъемной.

– Аххххххр! – заливался мужчина.

Вероника махнула рукой и пошла на кухню пить чай. Взяв в пухлую ладошку бутерброд с колбасой и ломтиком соленого огурца, она печально впиалась в него зубами и подумала о том, что ее рыжий и пьяный кавалер завтра не вспомнит ее имени. Она представила себе, как он стоит в дверях кухни, затравленно смотрит на нее и, фальшиво улыбаясь, отступает к выходу.

Храп стих. Вероника доела бутерброд, закапанный слезами, и выпрямилась. Секунду спустя храп возобновился, и Вероника взяла еще один бутерброд. Рядом с кухней располагался гардероб, полный одежды. Там была одежда подороже, одежда подешевле и много-много самой дешевой китайской одежды, разложенной охапками. Почти все напоминало покроем плащ-палатку, но были и обтягивающие вещи – у Вероники «толстые» дни, во время которых она ощущала себя огромной, чередовались с «худыми», когда ей хотелось обтянуть пышную грудь и выставить ее напоказ.

Ни в те, ни в другие дни ею никто не интересовался. Непонятно, отчего от Вероники так шарахались мужчины, но факт оставался фактом. Уже много лет она уговаривала себя, что «мужчины не собаки, на кости не бросаются», что она – «кустодиевская красавица», что все дело в ухоженности, маникюре, макияже, коже, глазах, наконец.

– Восемьдесят два килограмма, – сообщила ей недавно на улице дама, сидевшая возле китайских весов, мигающих лампочками, и гнусавым голосом предлагающая измерить рост и вес.

Цифра так поразила ее, что Вероника больше на весы не становилась. Свое тело она ненавидела. И себя, кажется, тоже. Заодно. А может, и весь мир вокруг, такой несправедливый, который никак не хотел откликаться на ее потребности. Ведь вокруг столько женщин, счастливых в личной жизни – среди них попадались и толстушки в очках, и невнятные бледные поганки, и тетушки средних лет, невесть как отхватившие юных красавцев, и китайки с плоскими лицами, и швабры с плоской грудью. Все, все были – или бывали – счастливы. Кроме нее, Вероники.

Лиза лежала в ванне и смотрела в потолок. Потолок был красивым – нежно-оранжевым, матовым, с россыпью маленьких лампочек, имитирующих звездное небо не то на закате, не то на восходе. В ванне было полно пены. Иногда от пены отрывались пузыри. Лиза дула на них, и они улетали вверх, вниз и вбок. На противоположной стене было зеркало, и в это зеркало Лиза видела свою голову.

Скоро надо будет выходить, и тогда наступит неприятный момент: Лизе предстояло увидеть свою грудь, покрытую шрамами. Этого она не любила. О ситуации, которая привела к уродству, Лиза предпочитала не вспоминать.

Она вспомнила про панно из яшмы, которое так и не смогла купить, и настроение улучшилось. Впрочем, у нее явно сегодня вдохновение, явно. Лиза начала вылезать из ванны: ей хотелось работать.

Какой-то парень придержал перед Ульяной дверь, кто-то подал ей руку на лестнице, она шла, окруженная многочисленными охами и ахами.

«Как много вокруг картонных марионеток, – думала Ульяна, – почему я не могу увидеть в них людей?»

Ей стало грустно.

Она поставила пакет в прихожей, захлопнула дверь перед самым носом очередного ухажера, скакавшего за ней по лестнице, и пошла к холодильнику. На холодильнике магнитом была пришпилена фотография самого человеческого на свете человека. Ушастый, кривенький, похожий на обезьяну мужчина смотрел со снимка прямо на Ульяну и улыбался. У нее навернулись на глаза слезы. Она вспомнила, как он уходил в тот день, крича и топая ногами. Еще бы, тогда Ульяна купила на всю его зарплату средство для чистки ковров, а ведь ковров у них ни тогда, ни сейчас не было. Но каждый раз, когда Ульяна видела эту рекламу по телевизору, она не могла устоять. Возможно, в глубине души она мечтала о коврах... кто знает.

Зарывав и пнув мусорное ведро, Ульяна уставилась на фото. Она никак не могла понять, какая его фотография нравилась ей больше – в фас, где он смотрел прямо на нее, наклонив вперед голову, или в профиль, где виден его длинный нос, покрытый крупными вулканическими прыщами. Ульяна выбрала первое и теперь не могла без слез смотреть на холодильник. Она звонила ему каждый день, снова и снова, а он не брал трубку, не отвечал на сообщения, а когда Ульяна пыталась встретиться с ним на его лестничной площадке, гордо отворачивался, как будто она была горкой навоза, а не самой красивой девушкой в радиусе двух, а то и всех пяти километров.

Ульяна еще раз всхлинула, потом взяла себя в руки и померила красный пиджачок. Совсем такой же, как у телеведущей. Пиджачок был средненьким, но Ульяна была такой девушкой, что на нее что ни надень, во всем хороша.

Анастасия давилась ореховым мороженым. Мороженое лезло обратно, но было жаль оставлять. К тому же еще ждал штрудель. С коньячным кексом Анастасия худо-бедно справилась, и теперь этот кекс стоял в горле, мешая мороженому. Штрудель расположился на столе немым укором. Неаппетитный, нежеланный, сдувшийся из-за долгого ожидания, с лужицей растаявшего мороженого.

«Все съем, все, – думала Анастасия. – Пусть мне придется сидеть тут до завтра».

С каждым куском мороженое становилось все более липким. К тому же банально начал болеть живот. Он увеличился в размерах и надулся, как шарик.

– Ик!

Анастасия сконфуженно прикрыла рот рукой.

– И-и-ик!

Мужчина за соседним столиком скосил на нее глаза. Анастасия прижала руку ко рту. Следующий «ик» неудержимо рвался наружу.

– И... и...

Щеки Анастасии залил румянец, на глазах выступили слезы, борьба с собственным организмом приобретала у девушки все более изощренные формы.

– Ик! А можно... ик... счет?

Штрудель остался непобежденным.

– Да, я ее убил. На пляже, – сказал Петр Петрович.

Вены на его шее вздулись и пульсировали.

– Было жарко, и она пошла купаться в шторм. А я не остановил ее, хотя и знал, что это опасно. Я виноват, виноват! Она утонула. Я плавал, нырял, пытался найти ее.... Потом оказалось, что ее утащило подводным течением далеко от пляжа.

Марина смотрела на него и думала, что доказать факт умышленного убийства в этом случае практически невозможно и состава преступления скорее всего тут нет.

– Я искал ее до последнего, пока не начал терять сознание, – сказал Петр.

Майор Валерианов ходил из угла в угол. Петр Петрович сидел на стуле, повесив голову.

– И нашел в конце концов, – ответил Петр Петрович. – Поднял на поверхность. Но было уже поздно.

– И с тех пор вы пили и дебоширили, – напомнил майор. – А потом устроились на работу.

– Да, ведущим курсов. По образованию я экономист. Программу курса разработали мои дру...

– Это мы уже все знаем, – сказал Дима. – Где вы были весь вечер пятницы?

– На кладбище.

– И никуда не уходили? – вклинился майор.

– Никуда. А куда я мог уйти? Я даже встать не мог. Я пил. Я вообще запойный.

Петр потер лицо руками. Ладони у него тоже были в толстых венах. На запястьях отпечатались багровые следы от наручников.

Евгения Витальевна выгружала покупки и чувствовала себя очень одинокой. На работе за ней никто не ухаживал. Старые, проверенные коллеги полагали, что такой строгой и правильной даме, действующей по схеме «лучше перебдеть», все личное чуждо. Налоговая инспекция была для нее вполне подходящим местом, но и там у нее было прозвище Сухарик.

– Ну как там наш Сухарик сегодня? Ванильный? В хорошем настроении? Или изображает кирпич? – по утрам спрашивали друг у друга подчиненные.

Некоторые особенно талантливые умудрялись определять степень раздражительности Евгении Витальевны по стуку каблуков в коридоре. Тогда они либо улыбались, либо втягивали голову в плечи и имитировали бешеный трудовой порыв.

Евгения Витальевна выгрузила покупки, раскладывая все вновь приобретенные вещи в заранее определенные места, когда в дверь позвонили.

Это был сюрприз.

А сюрпризов Евгения Витальевна не любила, ни плохих, ни хороших. Она открыла дверь и обвела взглядом группу людей, стоящих на пороге. Майор, два лейтенанта, женщина, вместе с ней посетившая семинар по инвестированию, и невысокий мужчина, видимо, ее муж.

Мужчина ей понравился, наверное, потому, что чем-то неуловимо напоминал ей ее собственное лицо, особенно по утрам.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла Евгения Витальевна, – чем обязана?

– Киру убили, – сказала Марина, – мы обнаружили ее тело на парковке. В тележке. И хотим спросить, где вы были в пятницу с восьми до десяти вечера.

На лице Евгении Витальевны не отразилось никаких эмоций. Она вспоминала.

«Очаровательный какой робот», – подумал майор, впервые в жизненной истории Евгении Витальевны увязав слова «робот» и «очаровательный».

– Заходите, – изрекла хозяйка квартиры, отступая назад. – Это надо обсудить.

В голове у Евгении Витальевны тут же появилась идея длинной многоходовки, напрямую связанной с личностью Петра Петровича Иванова.

Марина, Дима и Валерианов вступили в жилище, в котором царили идеальная чистота и спартанский порядок.

– Почему вы думаете, что семинар имеет к убийству какое-либо отношение? – спросила Евгения Витальевна.

– А как вы думаете? – ответила Марина. – Если мы нашли Киру в тележке возле нашей машины на парковке торгового центра. Вряд ли это случайность, а кроме как посредством семинара, мы более ничем не связаны.

– Смерть могла случиться где-то совсем в другом месте. Труп на тележке просто прикатали к вашей машине.

– Кассирша опознала Киру. Все произошло именно на территории торгового центра.

– Скажу вам честно, – произнесла Евгения Витальевна, – вы не выглядите как женщина с финансовыми проблемами. То есть вы были единственным человеком, который пришел на семинар просто развлекаться. Остальные явились в надежде решить свои финансовые проблемы и научиться противостоять импульсам, толкающим их на покупку. Но вам это на самом деле не особенно нужно. Поверьте мне, сотруднику налоговой инспекции, у меня глаз наметанный. То есть почему именно к вам прикатали труп на тележке, наверное, можно понять. Вам завидуют.

– Это не мотив, – сказал Дима. – Или вы хотите сказать, что Марине таким вот экзотическим образом дали понять, что ее присутствие на семинаре по инвестированию является блажью, не подкрепленной реальной нуждой?

– Возможно, да, острая зависть. Представьте себе, что кто-то узнал Марину, и... – Евгения Витальевна сделала неопределенный жест рукой.

Майору позвонили, он извинился и вышел в коридор.

– Была бы зависть, максимум колеса бы прокололи, – пожалала плечами Марина. – К тому же это просто ерунда, посмотрите, сколько на парковке торгового центра дорогих машин. Что, к каждой труп на тележке подгонять?

– Но пока никакого другого отличия между вами, Марина, и остальными посетителями семинара я не вижу – только реально разное финансовое положение.

– Рост, вес, беременность, цвет ногтей – можно найти миллион различий, – сказал Дима.

– Но как-то принято считать, что основным мотивом почти всегда является денежный вопрос.

– Не думаю, что в данном случае это так, – сказал Дима. – К тому же не Марина являлась жертвой, а Кира, воспитатель детского сада. А у нее была действительно сложная ситуация.

– Никакой связи между Мариной и Кирой нет, кроме как через семинар. Они видели друг друга один раз в жизни.

– Или мы связи не видим.

– Или кто-то за вами следит, – добавила Евгения Витальевна, взяла тряпочку и несколько раз провела по поверхности стола, который и так казался абсолютно чистым.

«Нервничает? – подумала Марина. – Интересно, почему?»

– Я понимаю, что так говорить нехорошо, – медленно произнесла Евгения Витальевна, – но надеюсь, что это разовое убийство.

– Одноразовое, – подсказал Дима.

Евгения Витальевна кивнула.

– Вдруг всех посетительниц семинара перебьют одну за другой? И вообще, – она встала и принялась ходить по кухне, ступая по чистейшему, без единой пылинки, полу, – я ничего не могу сказать по поводу смерти Киры. У меня слишком мало информации.

– Мы тоже, – призналась Марина. – Поэтому и собираем факты.

– Может, это совпадение, – предположила Евгения Витальевна, – Киру кто-то за что-то убил, потом затолкал в тележку торгового центра и выкатил на парковку. А тут ваша машина... случайно.

– Случайно, – повторил Дима. – Мы уже обсуждали это с Мариной, и не раз. Но я не верю в данном случае в случайность, простите за тавтологию.

– Согласна, это маловероятно, – призналась Евгения Витальевна. – А вы знаете, эта загадка представляется мне любопытной. Не часто представляется возможность подумать о чем-то столь драматичном.

– На всякий случай не открывайте никому дверь, – сказала Марина. – Вдруг это убийство не одноразовое.

– Особенно если увидите в глазок человека с тележкой из супермаркета, – подхватил Дима.

– Есть еще одна версия, – сказала Евгения Витальевна. – Возможно, это только ваша проблема. Кто-то из вас кому-то перешел дорогу. И вас таким образом предупреждают. Семинар ни при чем. Вернее, при чем, но это случайный выбор. Случайная женщина, знакомая вам. Это не труп – это черная метка.

Улыбка у нее была искренней, но очень камерной. Не приглашающей, а информирующей. Дима тоже улыбнулся. У него была точно такая же улыбка.

– А еще у меня есть к вам просьба, – сказала Евгения. – Она касается Петра Петровича Иванова.

Ира долго смотрела в глазок.

– Кто? – спросила она.

– Милиция.

В глазок ткнули удостоверением. Ира несмело открыла дверь, закрытую на цепочку. На лестничной площадке стояла женщина, рядом с ней мужчина, рядом с мужчиной – кто-то в милицмейской форме. На заднем плане маячили две безмолвные фигуры в черном.

– А что случилось?

Ее лицо стало очень белым. Голубые глаза, опущенные рыжими ресницами, уставились на Марину, веснушки ярко выделились на побелевшей коже.

– А вы как думаете? – спросил ее майор Валерианов. – Что случилось?

– Александр... умер, – предположила Ира. – Утопился, наверное.

Она упала прямо у входной двери, не в силах удержаться на ногах.

– Александр еще какой-то, – сказала Марина, – у тебя же жених Федор, который в Арктике? Или одно другому не мешает? Ты говори, если что, мы люди взрослые, пойдем.

– Одно другому мешает, еще как, – ответила Ира с пола. – Александр – это мой... мой... преследователь.

– Скажем так, настойчивый поклонник, если я правильно понимаю суть, – перефразировал Дима.

– Именно, – кивнула Ира, не делая попытки подняться. – Он умер?

– Если он мужчина, то – нет.

Девушка села.

– Кто-то убил Киру, девушку, которая была с нами на семинаре, – сказала Марина, – и мы хотим знать, кто это может быть.

– А ко мне вы почему пришли? – спросила Ира. – Я ее точно не убивала. Тот факт, что наши имена отличаются только на одну букву...

– Где вы были в пятницу с восьми до десяти вечера? – спросил майор.

– Я шла по улице, – сказала Ира, наконец-то встала и отряхнулась. – Я шла домой, а за мной, как обычно, шел Александр. И вот я обернулась, а его нет. То есть он шел, шел и пропал.

– Ему надоело, – сказал Дима. – Что угодно может надоест. И безответные чувства – тоже.

– Или он почему-то перестал идти за вами, Ира, поехал и убил Киру. А потом положил ее труп в тележку и подогнал тележку к нашей машине.

Марина вдруг вспомнила, что кроме манекена Киры видела во сне еще пластмассовую куклу Ульяны, а манекен Иры лежал на полу и дрыгал целлулоидной конечностью.

– У меня такое впечатление, что вы в этом как-то замешаны, – предположила Марина. – Или Александр ваш. Кстати, он как пропал, больше не приходил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.